

84(2=632.1)

А 285

Аржан
Адаров

Земля, вода,
и солнце

e/saw

С(АЛТ) 2
А 28

АРЖАН АДАРОВ

Земля, поднятая к солнцу

Стихи

Авторизованный
перевод
с алтайского

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

• Москва • 1964

Гослитиздат
Москва

0,22.233. ✓

25

В горах Алтая, в краю снежных вершин и стремительных рек, таежных троп и альпийских пастбищ, берет начало поэзия Аржана Адарова.

Первые стихи на родном алтайском языке поэт — тогда еще ученик средней школы в районном селе Онгудай — напечатал в 1950 году на страницах местных газет.

Сын колхозного чабана из Каярлыкской долины, Аржан Адаров сам успел немало потрудиться в артельном хозяйстве. Точные, достоверные строки о пастушеской работе в его стихах не случайны, не по наблюдениям со стороны и не с чужих слов написаны они...

Ныне Аржаном Адаровым выпущено уже несколько книг на алтайском языке, в 1963 году в Барнауле вышла и небольшая книга на русском языке «Подснежник». В сборник, предлагаемый нами вниманию читателей, включены в основном новые стихи поэта.

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой — месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!

Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Ты — век. Ты — жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. Пути в межзвездной мгле.
Ты в час предгрозя — первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...

Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья,
Все вынесу — лишь будь всегда со мною,
Везде, во всем, поэзия моя.

Иного счастья не ищу на свете,
Чем день за днем с тобой встречать зарю,
С тобою вместе быть за все в ответе
И знать, что людям правду говорю!

ЛЕНИН И СОЛНЦЕ

По утрам, когда спешу я летом
На работу в нашем городке,
Вижу: в сквере, зеленью одетом,
Ленин держит солнце на руке.

Никакого нет, конечно, чуда,
Просто время — возле девяти...
Ленин солнце поднял из-под спуда,
Улыбнулся и сказал: «Свети!»

Это солнце мой народ веками
Не видал: с нуждою воевал,
Спину гнул под байскими пинками —
Голову поднять не успевал.

По утрам, когда спешу я летом
На работу в нашем городке,
Вижу: в сквере, зеленью одетом,
Ленин держит солнце на руке.

Говорю, предельно откровенен:
Что о совпадениях гадать?
Знаю точно: если бы не Ленин,
Мне бы тоже солнца не видеть!

РУКИ

Они трудились много, вечно, щедро,
Не зная лени, — эти две руки.
Их пальцы крепки, словно корни кедра,
И, как поля, ладони широки.

На них с годами жилы стали резче,
А кожа — загорела, что кора.
Они для трубки, как стальные клещи,
Берут горячий уголь из костра.

Они траву пластали и стелили,
В лугах косою отточенной звеня.
Они в далекой юности валили,
Схватив за гриву, доброго коня...

Посыпал пепел смоляные пряди,
На лбу невзгоды провели черты,
Но поселилась в просветленном взгляде
Задумчивая мудрость доброты.

Сидит, глаза в дыму табачном шуря,
Как старый кедр, в тумане видный чуть,
Над ним промчались годы, словно бури,
Но не смогли сломать или согнуть.

Порой скучают без работы руки.
Недолго на коленях полежат —
И мастерят, чтоб радовались внуки,
Из дерева зайчат и медвежат.

А ночью зимней — долгой, синей, снежной,
С мороза отогретые в тепле,
Вдруг, грубые, струны коснутся нежно —
И песня возникает на земле...

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

...И снова
Небеса поголубели,
Цветы и травы
Пахнут тишиной.
Лежу в траве,
Как будто в колыбели,
И солнце
Наклонилось надо мной.

Эй, ветер с гор,
Слети сюда в долину,
Шатер ветвей
Дыханием качни...
Пусть шепчут кедры
Мне свою былинку,
Как старые
Сказители-кайчи!

Пусть прибегут
Кудрявые ягнята,

Теснясь вокруг.
Обступят мой привал.
Мы вспомним вместе,
Как не раз когда-то
Я с ними
Перевал
Одолевал.

Я брал усталых
На руки в дороге
Замерзших —
Согревал своим теплом...
Так, лет семи.
Я заслужил в итоге
Чабанский, трудный
Первый мой диплом!..

Я жил в столицах,
Где авто и трамы,
Над книгами склонялся в тишине.
Но не забыл,
Как пахнут солнцем травы:
Одно с другим
Не ссорится во мне.

Я счастлив тем,
Что близки мне отныне,
Скептическим прогнозам вопреки,
И эти горы —
Вечные, родные,
И мысли, что как горы высоки.

И звезды голубые над горами,
И огоньки
На городских мостах,
И всех цветов трепещущее пламя,
И трепетные строки
О цветах.

Гляжу на мир
Мудрее, глубже, шире,
Богатства сердца
Бережно коплю.
Отцовский край,
Что всех дороже в мире,
Как прежде —
И по-новому! —
Люблю.

Да, мы такие!
Тропами исканий
Мы в новый путь
Выходим на заре, —
И счастья
Многоцветней, многогранней
Еще никто
Не ведал на земле.

В моем краю,
В моем двадцатом веке
Присяду
У пастушьего огня...

Я не забыл вас,
Горы, тропы, реки,
А вы, друзья, —
Узнали вы меня?

Мой голос вновь
По-юношески звонок,
Все тот же я,
Что с детства вам знаком...
Лежу в траве —
И сосунок ягненок
Мне лижет руку
Узким язычком.

ЖИВАЯ БОДА

Там, где тень отбросил горный гребень,
Где прохлада освежала тело,
Родничок мне с детства был знаком.

Дед мой уверял: родник — целебен!
Вечно голова его белела
В зарослях над самым родником.

Дед с ним вел беседы, головою,
Как живому, бережно кивая...
Вся природа, он считал, жива:

— Дерево не рань — оно живое,
Землю зря не мучь — она живая...—
И сегодня помню те слова!

Помню, заболел я — и тогда-то
Деревянный ковшик невысокий
Дед с водой принес из родника.

— Пей! Целебной силой, внук, богаты
Матери-земли живые соки...—
И сухая дрогнула рука.

Выпил я — и, верьте мне, повеял
День прохладой, силы мне даруя...
Не было здесь чуда — суть не в том:

Просто очень деду я поверил,
Просто верой в доброту земную
Был спасен я — как не раз потом!

АИЛ

Аил, аил! Убогое жилище,
Как много дум ты пробудил во мне!
Здесь шли года, здесь бедность грела пищу
На стареньком трехногом тагане.

Бывало, ветер с бешеною силой
Худую, в дырах, кровлю из корья
Срывал с тебя — и остов твой унылый
Торчал, как ребра павшего коня!

Аил, аил, старинный, восьмигранный!
Сюда, где жизнь просторна и светла,
Из прошлых дней, как некий призрак странный,
Прибрел ты на окраину села.

Аил, аил, твой век недаром прожит,
А новому — ни в чем ты не под стать.
Еще неделя пролетит, быть может, —
И рухнешь ты, чтоб никогда не встать.

Аил, аил, сложна душа людская!
Я новой жизнью свято дорожу,
А вот стою — и, словно бы лаская,
Рукой по бревнам тихо провожу.

Тебя ли мне винить? В любые стужи,
Над низкой крышей воскурив дымок,
Людей исхолодавшие души
Ты грел как мог и радовал как мог.

Но мы — не те! Над миром современным
Иная жизнь клокочет и гудит,
И твой хозяин в доме пятистенном
У радиоприемника сидит.

А над тобой дрожит, свиваясь в петли,
Не дым — дымок. Вернее, тень дымка.
Как будто ты раскуриваешь, медля,
Последнюю затяжку табака.

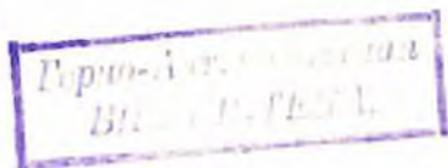
И радостно, и грустно мне, признаться,
И трудно разобраться — отчего...
Исчезни, говорю! Пусть не слезятся
Мои глаза
от дыма твоего...

МОЛОДОЙ ТАБУНЩИК

122233
Кто может так бесстрашно укрощать
Коней, еще уздечке непокорных?
На быстроногом аргамаке мчатъ
Кто смеет ночью по уступам горным?
Табунщик молодой с лукавым взглядом!

В глухой тайге, улегшись на траву,
У табуна проводит ночи кто там?
Кто едет спешно в дальнюю Москву
За то, что здесь так славно поработал?
Табунщик молодой с лукавым взглядом!

Кого так любят девушки в селе?
Кому кисет узором вышивают?
Кто всех красивее сидит в седле?
Кто взор и сердце девушек пленяет?
Табунщик молодой с лукавым взглядом!

ПАРНИ ГОР И СТЕПЕЙ

В цветастом платье модница москвичка,
Гвоздь-каблучок, высокая прическа,
На нас, приезжих, смуглых, грубоватых,
Ты не гляди с усмешкой, свысока!
На лицах наших — яростное солнце,
В пути нам ветры обточили скулы —
Те ветры, что обтачивают скалы
И, разогнавшись, мчатся по степям!
Дыханье диких трав, потоков свежесть,
Желанный запах зреющего хлеба
У нас в крови навек растворены...
Вот хлопкороб в узбекской тюбетейке,
Расшитой и квадратной. Он — оттуда,
Где на полях выращивают ситец,
Где, между прочим, выросло и платье,
Которое купила ты вчера.
А вот целинник. Он — из Казахстана.

Он знает хлеба истинную цену —
Не ту, что на квадратиках картонных
Обозначает каждый магазин.
Вот сибиряк с тяжелыми бровями,
Донской рыбак, уральцы и кубанцы,
Кавказский загорелый виноградарь —
Ты любишь виноградное вино?..
А я — с высоких, снежных гор Алтая,
Из тех, кто с песней за отарой ходит
И с песней ночь проводит у костра...
Так не глядите, модницы, гордячки,
На нас с таким обидным любопытством,
Не проходите мимо равнодушно,
Усмешек не кидайте свысока!
Сумейте просто, добро улыбнуться...
Мы вас оденем в радужные ткани —
Еще красивей станете тогда вы,
Мы белый хлеб на стол положим снова
И к вашим свадьбам припасем вина.
Так улыбнитесь, гордые! Поверьте,
Нам это нужно, а для вас — нетрудно,
Одна улыбка — и шагайте дальше...
А мы — спешим. У нас дела в Кремле.
В кремлевский зал нас нынче пригласили —
Для деловой беседы, для совета,
Нас многое волнует и тревожит,
Нам есть о чем при встречах говорить!
А завтра мы разъедемся. И снова
Мы сапоги рабочие натянем,
И выйдем в поле, и положим руки
На круглые головки рычагов.
Вот говорят о нас: простые люди...

Не столь уж мы простые! Если надо,
Мы ночи проведем над микроскопом,
Мы в чертежи внесем свои поправки
И песни сложим ночью у костров.
Так улыбнитесь, девушки...

ПОДСНЕЖНИК

Весны посланец голубой —
Отважней нет на свете:
Сквозь снег пробился головой,
Тебя качает ветер.

Осколком неба в блеске дня
Синеешь с белым рядом,
Волнуешь радостно меня
Ты скромностью наряда.

Когда собрался милый в путь,
Тебя дала на память:
— Подснежник наш не позабудь
Меж новыми цветами...

Сказала: — Будь всегда, везде
Ты чистым, как подснежник...—
Сказала: — В жизни и в труде
Будь первым, как подснежник!

КЕДР

Дружишь ты с высокою скалой
И стоишь наедине с собою,
Кроною кудрявой, как метлой,
Разметая небо голубое.

Зелен кроной даже в пору вьюг,
Песни льешь серебряным потоком,
Гордый кедр, мой вечно юный друг,
Что ты вдруг вздыхаешь одиноко?

Не от дум ли тягостных скорбя,
Ты склонился над скалой уныло?
Может, ветер северный тебя
Гнет, мой кедр, твою ломая силу?

Нет, не гнет — качает лишь порой,
Тучи гладят крону и уходят.
Ты стоишь, вздымаясь, над горой,
Ты стоишь, высокий, на свободе...

Пошепчи мне,
я всегда готов
Песню-сказку золотую слушать.
Объясни значение этих слов,
Что мою переполняют душу.

Туча, эй, давай посторонись!
И опасный ветер, злясь и воя,
Кедра не клони и не кружись
Над его кудрявой головою!

НАД БЕЛЫМИ ТУМАНАМИ

Меж горами, как в раме,
Льется вдаль Чолушман,
Горы встали рядами,
А на склонах — туман.

Там, над белым туманом,
В небе солнце плывет.
Там, над белым туманом,
Кто-то песню поет.

И, заслушавшись ею,
Как живой человек,
Чолушман, голубея,
Замедляет свой бег...

Там, по склонам зеленым,
Нынче властвует май.
Там с отарой по склонам
Ты проходишь, Яшнай.

Пусть равняются строки!
Пусть они воспоют
Твой, чабанка, высокий,
Твой заоблачный труд!

Пусть нахмурились горы,
Пусть меж ними — туман,
Мы увидимся скоро
Над рекой Чолушман.

И тебе я, несмелый,
Эту песню спою,
Что как птица слетела
На страницу мою!

КАТУНЬ

Мчись, Катунь, играя светом,
Шумная струя!
Нет волны на свете этом
Чище, чем твоя!

Так и блещет, голубая!..
В ней отражена,
Молодеет, улыбаясь,
Старая луна.

Ты летишь с вершин Алтая
Вниз, к теплу, к жилью,
Песню сбивчиво слагая
Длинную свою.

Этой песне от рожденья
Сотни тысяч лет,
В ней — волны твоей круженье,
И конца ей — нет.

А моя — послушай! — песня
Только рождена.
А моей — послушай! — песне
Вечность не нужна.

Ей сейчас бы, неотложно
Души обогреть,
Ну, а там, пожалуй, можно
И самой сгореть,

Лишь бы в доме человеческом
Приняли ее...
Так что нам считаться нечем:
Каждому — свое.

Будем добрыми друзьями —
Вот моя рука!
Глупой зависти меж нами
Места нет, река.

Ты бежишь, подернув камни
Пленкой голубой...
Хорошо с тобой, река, мне,
Хорошо с тобой!

РАЗГОВОР С ЧОЛУШМАНОМ

Не песни ли твоей волной играют?
Ты их поешь, как дышишь, Чолушман.
Их за тобою горы повторяют,
О чем они, ты слышишь, Чолушман?

Скажи скорей, откуда это пенье?
Оно в сердца стучится, Чолушман,
Но пенье то без слов, без пояснения,
Про что в нем говорится, Чолушман?

Мне говорят: «Тех песен нет чудесней...»
Я это знаю тоже, Чолушман.
Но что же ты скрываешь в этих песнях,
На лунный свет похожий Чолушман?

Тебе видны насупленные скалы,
Клочок небес над кручей, Чолушман,
А песням вторит кедр зеленопалый,
И ты качаешь тучки, Чолушман.

Иду по тропке тихими шагами
Вслед за тобой, веселый Чолушман,
Беседую с тобой и с облаками,
И длинный путь недолог, Чолушман.

Но заспешил ты, и, прощаясь, волны
Твой берег целовали, Чолушман.
И песнь без слов, глубокой тайны полный,
Опять запел ты в далях, Чолушман.

А я один ищу для песни слово,
Простясь, стою поодаль, Чолушман,
И сердце переполниться готово,
Чтоб песне дать свободу, Чолушман!

* * *

Я люблю тебя, Родина,
Каждой слезой,
Я люблю тебя, Родина,
Каждой улыбкой.

Чуть сощурюсь —
И горы встают полосой,
Чуть прислушаюсь —
Кедр запекает, как скрипка...

* * *

В горах Джайлау колыбель моя,
Поближе к тучам, что плывут высоко.
У края ледников родился я,
Поближе к звездам, где летает сокол.

И сердце я оставил, не тая,
В родном краю, где голубые горы.
Там навсегда осталась песнь моя —
В густых лесах, где листьев тихий шорох...

ЧОЛУШМАНКА

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала,
Башмачки хоть были стары — каблучки стучали
в лад.

Чолушманка танцевала, пыль над полом поднимала,
Чолушманка улыбалась — покорила всех подряд.

Пусть подол ее неровен — где короче, где
длиннее,
Но смеется чолушманка — зубы белые как снег.
Нет, наряд ее не блещет, может, он других бледнее,
Но она не унывает — юный, гордый человек.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала
Рот открыв, смотрели парни, перед ней склоняясь
ни

Чолушманка песню пела и на комусе играла —
И глаза ее смеялись из-под вскинутых ресниц.

Не шелка на ней надеты, на ногах не туфли-диво,
Все же стройности не скроешь под одеждою простой!
Не умела одеваться, просто знала, что красива,
И, прекрасная, блистала светлой утренней
звездой.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала.
Башмачки хоть были стары — каблучки стучали
в лад.
Чолушманка танцевала, всех парней околдовала,
Улыбнулась — непокорных покорила всех подряд!..

ЧОЛУШМАНКА

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала,
Башмачки хоть были стары — каблочки стучали
в лад.
Чолушманка танцевала, пыль над полом поднимала,
Чолушманка улыбалась — покорила всех подряд.

Пусть подол ее неровен — где короче, где
длиннее,
Но смеется чолушманка — зубы белые как снег.
Нет, наряд ее не блещет, может, он других бледнее,
Но она не унывает — юный, гордый человек.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала.
Рот открыв, смотрели парни, перед ней склоняясь
ниж.
Чолушманка песню пела и на комусе играла —
И глаза ее смеялись из-под вскинутых ресниц.

Не шелка на ней надеты, на ногах не туфли-диво,
Все же стройности не скроешь под одеждою простой!
Не умела одеваться, просто знала, что красива,
И, прекрасная, блистала светлой утренней
звездой.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала.
Башмачки хоть были стары — каблучки стучали
в лад.
Чолушманка танцевала, всех парней околдовала,
Улыбнулась — непокорных покорила всех подряд!..

* * *

Вновь надо мною крики журавлей,
И к сердцу грусть опять пути сыскала.
Кошмою желтой лег простор полей,
Задумавшись, стоят в молчанье скалы.

О чем кричат, прощаясь, журавли?
О чем, склоняясь, шепчутся колосья?
Что дымка синяя таит вдали?
О чем лепечет рек разноголосье?

Хочу понять, постигнуть все вокруг,
Но от меня поля и лес таятся.
Я слышу песни задушевный звук —
Она без слов, и мне не разобраться.

На снежных кручах тучи тихо спят.
День кончится — и в гаснущие дали
Умчит их ветер прямо на закат,
Как детство годы некогда умчали...

Песнь журавлей проникла в сердце гор,
С моим — навек осталась по соседству,
И вот звенит, живая до сих пор,
Звучит во мне далекой песней детства...

* * *

Или это мне приснилось?
Горы. Тишина...
К мягкой тучке прислонилась
Желтая луна.

Слышу — сердце ли стучится
Громче в тишине,
Или вправду кто-то мчится
На коне — ко мне?..

ГОРНАЯ РЕЧКА

Маленькая дочь родного края,
Ручеек, речушка — не река,
По камням ты прыгаешь, играя,
И, смеясь, щекочешь им бока.

Знай резвишься, будто дети в школе,
Шалости нехитрые творя...
Но послушай, речка: далеко ли
Ниточка дотянется твоя?

Малыми силенками своими
Победишь ли трудности в пути?
Пропадешь в песках — и даже имя
Так и не успеешь обрести...

И она в ответ прошелестела:
— Да, слаба я. Да, нелегко путь.
Но, поверь, совсем не в этом дело —
Ну-ка стань внимательней чуть-чуть!

Невдали отсюда, где опушка,
Слышишь — тоже рокот меж камней:
Там спешит навстречу мне подружка,
Даст мне руку — вместе мы сильнее!

Там, подальше, с гор несутся братья,
Озорной, решительный народ,
Заклучат при встрече нас в объятия
И закружат. И помчат вперед!

Разольемся вместе на просторе,
А потом, под звездами блестя,
Донесем, быть может, и до моря
Веточку, что бросил ты шутя!

Ну а ты — сказать я тоже вправе, —
Ладен ты собою и высок,
Но мечты о подвигах и славе
Не уйдут ли попусту в песок?

Сможешь ли один, своею силой,
Одолеть препятствия в пути,
Или — сгинешь, слабый и бескрылый,
Имя не успевший обрести?..

Так шептала речка понемногу —
Или сам все это думал я?
...Нам пора в далекую дорогу.
В добрый час! Обнимемся, друзья!

ЧУЙСКАЯ ДОРОГА

Чуйская далекая дорога,
Вся посеребренная зимой,
Чуйская далекая дорога,
Вьешься ты по склонам гор змеей.

На хребте высокой Вечной Гривы
Ты — как перекинутый аркан,
В тучах наверху твои извивы,
А внизу нырнула ты в туман.

Чуйская далекая дорога,
Песня спутницей твоей была,
Чуйская далекая дорога,
Жизнь, как песня, по тебе прошла!

У шофера век в пути-дороге.
Ты длинна, трудна — не отдохнуть.
Вон Катунь пенятся пороги...
Пой, водитель, — веселее путь!

Коль машины сердце замолчало,
С нею вместе мерзнет и шофер.
Стонет ветер, запевая в скалах,
И сугробы — как подобья гор...

Но, встречая ветер, снег и бурю,
Фары протыкают темноту,
Не смыкай глаза, шофер, понурясь,
Руль держи, ты нынче на посту!

Вот Чике-Таман!..

Поют метели,
Нелегко шоферу — он устал.
Шум Катуня слышен еле-еле,
И задумались громады скал...

Чуйская дорога пробегает
Током крови, что живит сердца.
Путник песню тихо напевает...
Горы спят.

Дороге нет конца...

У ОГНЯ

На горе, беснуясь, вьюга злится.
Ветер бьет в оконное стекло.
Но в печи огонь дрожит, искрится,
И струится в душу мне тепло.

Наши горы дики и угрюмы,
Их и не увидишь в снежной мгле,
Но легко дыханье, чисты думы,
Сладко ноют мускулы в тепле.

А в трубе гудит, желтея, пламя.
Хорошо сидеть мне у огня,
Воскрешая о дороге память,
Что сквозь вьюгу вывела меня.

Лучшей песни ты, огонь, достоин —
Ты морозу не даешь войти...
Друг огонь, и в сердце будь как воин,
Чтобы холод побеждать в пути!

Ты со мной — и пусть пурга курится —
Пусть лютует вьюга за окном...
С другом за ночь не наговориться —
Я не одинок с тобой вдвоем.

Путник, по тайге бредя сквозь вьюгу,
Заверни на мой огонь в ночи
И, согревшись, спой-ка песню другу,
Ту, что жарче пламени в печи!

МОИ ГОРОД

Ты лежишь в горах, где реют птицы,
Вдалеке от плещущих морей,
Невелик, а все-таки столица
Автономной области моей.

Все мне здесь привычно и знакомо,
Вот смотрю — достоинства полны,
Встали строем около обкома
Елки — часовые тишины.

Тянут руки башенные краны,
Будто солнцу «здравствуй» говорят...
А когда-то, град мой деревянный,
Был совсем другим ты, говорят.

Здесь в грязи глубокой, непроезжей
Кони увязали, говорят,
И назвал тебя один приезжий
«Чертовым корытом», говорят.

Горечи немало в этой фразе,
Но сегодня — век уже не тот:
Из беды, из грязи — нет, не в князи,
Просто в люди вышел мой народ.

Пусть иные счастья ищут где-то,
Тянутся к случайному огню —
Город мой, поверь словам поэта:
Никогда тебе не изменю.

Пусть, бывало, больше и богаче
Города встречались мне в пути,
Лишь с тобой — с тобой, и не иначе,
В коммунизм хотел бы я войти!

**ГИБЕЛЬ КРАСНОГО ПАРТИЗАНА
ПЕТРА СУХОВА**

1

Молчали горы древнего Тюнгура.
Встречая утомленных сыновей,
Они сосредоточенно и хмуρο
Сдвигали складки каменных бровей.

Недаром скалы хмурились в досаде —
Они-то знали: здесь таится враг!
Они хотели красных о засаде
Предупредить — и не могли никак.

Я убежден, что было так на деле,
Не зря легенда есть в моем краю,
Что этой ночью камни поседели
И проклинали немоту свою!..

Так шел отряд. Он в сумax переметных
Нес людям правду, счастье и мечту...
И вот тогда-то вспышки пулеметных
Очередей пронзили темноту.

Был бой. Храпя, кидались в пропасть кони,
Но силы в схватке были неравны.
И крикнул Сухов, встав на крутосклоне:
— Не думайте, что мы побеждены!

Свободу не поставить на колени!..—
Но пуля просвистела меж ветвей
И сердца командирского биенье
Остановила тяжестью своей.

Умолк — а эхо прыгало на склонах
И отдавалось где-то в сердце гор,
И, говорят, в ущельях отдаленных
Героя голос слышен до сих пор.

Мне старики об этом рассказали,
А в книгах можно коротко прочесть:
Врагам в защите горы отказали,
Врагов постигла праведная месть.

И, вспоминая, как свистели пули,
Как бились партизаны-смельчаки,
Над смертью их в бессменном карауле
Стоят хребты —
Как правда высоки!

О КАРТИНАХ ГУРКИНА ¹

1

Здесь горы удивительно прекрасны,
Я отойти не в силах ни на шаг!
Пусть мне твердят, что, мол, сужу пристрастно,
Что говорить: пристрастен я — но как?

Уж мне ль не знать родных вершин Алтая,
Уж мой ли не придирчив строгий глаз!
А вот гляжу, все точно узнавая,
И в то же время словно в первый раз.

Какой волшебник, дерзкий и упрямый,
Гигантов перенес на полотно?
И те вместились в маленькие рамы,
Гигантами оставшись все равно!..

¹ Г. И. Гуркин (Чорос Гуркин) — талантливый художник-алтаец, ученик И. И. Шишкина, трагически погибший в годы культа личности.

2

А он ведет, ведет меня все выше
И краски обновляет каждый миг...
Вот чудеса — я вижу ветер!

Вижу!

Плесканье вод,
шум веток,
птичий крик!

Земная даль все шире, все чудесней!
Вот луг в цветах. Вот юрта чабана.
Простор и ясность.

Здесь должна быть песня! —

Я чувствую...

И слышу: вот она!

Эх, побежать бы весело вдогонку,
Дышать весной, заботы забывать,
Лежать в траве,
речонку, как девчонку,
Горячими губами целовать...

3

А он ведет, ведет уже сквозь годы
Смущенного, смятенного меня.
Вот прошлое. Среди толпы народа
Шаман, как вихрь, танцует у огня.

Он людям лжет! Он яростен и буен,
Он таинство недоброе творит.

Он, содрогаясь, бьет в тяжелый бубен,
Он с грозными богами говорит.

Скользит по травам тень его косая,
И отблески — как жертвенная кровь.
Он мечется по кругу, исчезая
В ночной тени и появляясь вновь...

4

А мы идем... Вот белая Белуха,
И дымка чуть заметная дрожит.
Вот меж хребтов, как в чаше, Горных Духов
Таинственное озеро лежит.

Оно лежит в прямом и резком свете,
Будь осторожен — может ослепить!..
О, где, художник, взял ты краски эти,
Которых в магазине не купить?

Я знаю, да! Воистину влюбленный
В тот край, которым жил ты и дышал,
Ты к синей краске, желтой и зеленой
Лучи родного солнца подмешал.

И всех цветов живые ароматы,
И чистый, ясный воздух высоты,
И песни, недопетые когда-то,
И дерзкие бессмертные мечты!

КОНЬ

Мой конь — я друга вижу в нем —
С дороги не собьется
И козких троп крутой подъем
Возьмет, не поскользнется.

Корми его, водой пои.
Храни ты пуще глаза!
Куда спешат мечты твои,
Поймет он, чуткий, сразу.

Он довезет тебя туда
И, что устал, не скажет.
Люби, корми зерном всегда,
И он в пути не ляжет.

Ведь с незапамятных времен
Конь — верный друг алтайца.
Ружье без промаха да он —
Богатство для алтайца...

КОММУНИСТ

Он коммунистом не был — по анкете,
Отец мой, дельный, вдумчивый мужик,
Но шрам косой не зря его пометил:
На белых в бой он шел как большевик!

Он коммунистом не был — по анкете,
Но строил школы, основал колхоз,
И — пусть и не отмеченный в билете! —
Немалым был его партийный взнос.

Он коммунистом не был — по анкете.
Был беспартийным. Но за все в стране,
Как коммунист, считал себя в ответе
И умер коммунистом на войне.

Он коммунистом не был — по анкете,
Но если взвесить мысли и дела,
То жизнь его под солнцем на планете —
Вся! — заявленьем в партию была.

Отец мой, коммунист без партбилета,
Вовек твой образ в сердце не умрет,
И для меня в живую плоть одеты
Слова большие: Партия, Народ...

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИИ

Давно отгрохотали канонады.
Распаханные дали хороши,
И новых строек высятся громады,
И в скверах в мяч играют малыши.

Поют ветра. Дожди летят косые,
Слетает с яблонь белая пыльца.
А я все еду, еду по России —
Ищу отца. Хотя бы след отца...

Проходит ночь — и вновь глядит резная
Заря в мое вагонное стекло...
Какая же надежда, сам не знаю,
Ведет меня всем логикам назло?

Кого спрошу я? О какой примете
Вести мне речь? Какой припомню знак?
«Он шел вперед. Он пал лицом к победе...»
Я знаю, хоть не видел: было так!

Но, глядя очень добро и устало,
Мне говорит стареющий майор:
— Лицом к победе столько храбрых пало,
Иначе б мы не встретили ее!

Он прав, прибавить нечего. И снова
Я свой вопрос веду издалека:
Не помнит ли солдата пожилого —
Такого добряка, весельчака?

— Да, помню, — говорит он, — помню многих,
Я помню юных, помню пожилых,
Веселых, добрых, мужественных, строгих, —
И вместе всех, и каждого из них.

О, сколько спит их на родных просторах,
Где плеск ручьев и шепот ковыля,
Безвестных, безыменных, о которых
Лишь знает ветер да сыра земля...

Смеркается. Мы умолкаем оба...
А утром я на станции схожу
И спрашиваю в поле хлебороба,
Не помнит ли, не скажет ли...

— Скажу:

Его могилу не ищи напрасно,
Могил безвестных много на Руси.
Взгляни вокруг: огромна и прекрасна
Лежит земля — ты у нее спроси,

Спроси у ветра, что летит по свету,
Колосья полновесные клоня.

Спроси у них. Прислушайся к ответу.
А мне пора. Ты извини меня...

Я вновь один. Кружат над степью птицы,
Лежит простор без края и конца,
Шумят хлеба — и в шорохе пшеницы
Я слышу голос павшего отца...

Я говорю: пусть будет все как надо,
Пусть звонкий стих рождается в тиши,
Пусть новых строек высятся громады
И в скверах в мяч играют малыши,

Пусть юноша цветы несет невесте,
Пусть свежий хлеб вздыхает на столе,
Пусть жизнь идет, пусть никогда без вести
Не пропадают люди на земле!

ДОРОГА

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой пыльной, выбитой дороге,
Все думали, что вновь услышим топот
Коней по серой, выжженной дороге,
Все верили: вот скоро к нам вернется
Отец, что на войну ушел когда-то
По этой длинной, как тесьма, дороге...

Все ждали: вот вернется, удивится,
Как без него ребята подросли!
Начнет воспоминаньями делиться —
Как воевал за честь родной земли.

Свои награды с гордостью покажет,
Широкоплечий, рослый и прямой.
Пусть раненым, пусть одноруким даже —
Лишь только б он вернулся к нам, домой!

Лишь только б мог ладонью, чуть шершавой,
Погладить нас: — Ну, как дела, сыны? —

И улыбнуться добро и лукаво,
И песню спеть, как пел нам до войны!

Но ждали мы, как многие, напрасно.
Наверно, там, за синими хребтами,
Вдали от нас, затих навеки топот
Коней по серой, выжженной дороге,
И на Алтай, в наш маленький поселок,
Лишь несколько вернулось инвалидов
Домой — по длинной, выбитой дороге...

Мы в День Победы пели, и смеялись,
И плакали — кто сможет нас винить?
Печаль и радость в этот день смешались,
И как нам было их разъединить?..

Случалось, пыль дорожная вставала,
Надежда в сердце вспыхивала вмиг,
Но все напрасно. Лишь зайдет, бывало,
Прохожий запоздалый фронтовик.

Смотревший смерти в черные глазницы,
Шагавший в бой под грохот батарей,
Сейчас, казалось, глянуть он боится
В сухие очи вдов и матерей.

Он вспоминал в кругу сельчан широком
Всех, с кем делил солдатский долгий путь,—
И ждали мы: вдруг вспомнит ненароком
Из наших, из родных кого-нибудь?

О, как хотелось верить нам в такое!..
Спускался вечер. Воин умолкал —

И тихо уцелевшею рукою
«За тех, кто пали...» поднимал бокал.

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой серой, выжженной дороге.
Все думали, что вот услышим топот
Коней по пыльной, выбитой дороге...

Так пусть вовеки не узнают люди
Тревожных, безнадежных ожиданий,
Пусть не глядят с печалью на дорогу,
Их скромный Дом связующую с Миром,
Пусть в каждый дом приходит только счастье
По светлой, ясной, солнечной дороге!..

ОЖИДАНИЕ

Ждут с действительной солдата.
Быстро годы пролетели,
Но последние недели —
Очень длинные недели.

Сердце матери — в тревоге,
Смотрит мать в долины, в дали.
Говорят: войны не будет...
Ну а раньше — разве ждали?

Разве ждали, что придется
Пасть отцу от пули белых,
Что в горящем сорок первом
Муж погибнет смертью смелых?

Говорят, что мир наш — прочен,
Кровью храбрых укрепленный...
Только все-таки скорей бы
Сын вернулся в край зеленый,

Где под солнцем встали горы,
Где прошло под солнцем детство...
Ах, как хочется на сына
Поскорее наглядеться!

И живет она, тревожась,—
Дочь, вдова и мать солдата,—
Каждый вечер долго-долго
Смотрит в сторону заката...

Вот пришла домой с работы,
Задержавшись почему-то,—
На столе, глядит, бумага,
Не письмо на вид как будто.

Враз колени подкосились!
Села старая в сторонку —
И дотронуться боится:
Вспоминает «похоронку».

Тут невестка прибежала,
Засмеялась: — Что вы, мама!
Что ж вы, мама, побледнели —
Это ж, мама, телеграмма!

Едет милый, едет милый,
Это он прислал с дороги...—
И стихают понемногу
В сердце матери тревоги.

И глядит она с надеждой,
Дочь, вдова и мать солдата,

На кремнистую дорогу
В жарких отблесках заката...

На дорогу, по которой
Муж на фронт ушел когда-то.

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки,
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирное «ку-ку!».

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смущенно улыбается — и снова
Глядит на нас, как прежде строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вот мы стоим плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строем сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,
Пришли с войны, в защитное одеты,
Взглянуть на смену воины-отцы.

Они глядят, и взгляд их прям и весок,
И слышен сердцу говор их живой,
И мы стоим, как молодой подлесок,
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, скажем мы, настали наши годы,
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет,
И пусть кукушка наша полковая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

ПЛАНЕТА

Повиснув на солнечных нитях,
Летишь ты, мой шарик, в веках,
Весь — в песнях, колосьях, событиях,
Тревогах, мечтах, облаках.

Иду по тебе я, счастливый, —
И травы светлы от росы,
И рядом колышется нива,
Расставив антенны-усы.

Чему она чутко внимает,
Несчетный встречая рассвет?
Быть может, она принимает
Грядущего дальний привет?..

Мой шарик, родная планета,
Здесь, многие муки стерпя,
Мы вышли из сумерек — к свету,
И к звездам взлетели — с тебя!

И столько чудесных традиций
От солнца сумели зажечь...
Так мне ли тобой не гордиться,
Так мне ли тебя не беречь?

Но знаю: на дольном просторе
Не только поет соловей:
Есть бедность, и голод, и горе,
И слезы — морей солоней.

И падают смелые люди
В сраженьях — во имя мечты...
Но все-таки нет и не будет
Планеты прекрасней, чем ты!

Надежда моя и отрада!
Мечтая, борясь и любя,
В походе стократ, если надо,
Паду я — и лягу в тебя,

Лишь только бы, в зелень одета,
Неправду и зло покарав,
Летела бы к счастью планета,
Мой вечный, мой звездный корабль!

ЗВЕЗДА

Как будто звезды ближе стали
В тот день в моем родном краю:
Ведь мы до них рукой достали
И к ним прибавили — свою!

Летит, плывет звезда Советов
У дерзкой мысли на крыле.
Невелика — но сколько света,
По сути, шлет она Земле!

И шар земной по всем широтам
Рукоплесканьями гудит,
И век двадцатый за полетом,
Закинув голову, следит.

Горжусь, что вырос в годы эти,
Горжусь, что школу их прошел,
Что не в учебнике — в газете
О первом спутнике прочел...

Наш путь — до звезд! И все ж не скрою:
В тот самый день, в тот самый час
Земля родная — вдвое, втрое
Дороже сделалась для нас.

Ведь это здесь в наш век тревожный
Народ мой первым мог создать
Те звезды, по которым можно
Всерьез грядущее читать...

Мы помним этот день сердцами:
Страна Советов, а над ней —
Живое спутника мерцанье
И небо, ставшее родней!

* * *

Где начало, где конец вселенной?
Нет ей ни начала, ни конца!
Смотрят люди с жаждой неизменной
В звездный мир — как мальчики с крыльца.

Тысячи вопросов ждут ответа.
Звезды интригующе молчат.
Скоро межпланетные ракеты
К ним сквозь время в гости нас домчат.

Но — неутоленной, неизменной
Жажда сердца будет жить и там.
Где начало, где конец вселенной?
Где начало, где конец мечтам?..

* * *

Мне радости солнце сыскало,
А сила пришла от земли,
Кедровая чаща ласкала
И горы меня берегли.

Луна серебром одарила,
Любовь меж цветов расцвела,
А девушка песнь пробудила
И сердце мое обожгла...

ЧЕРЕМУХА

С той далекой поры пролетели года,
Но, как прежде, смущая солидных знакомых,
Я теряюсь всегда, я пьянею всегда
От весеннего запаха белых черемух.

Как мне быть? Вот встают они снова стеной,
Обступают кругом, раскрывают объятья...
Черт возьми, не смеешься ли ты надо мной,
Чудо-деревце в белом, как девушка, платье?

Только я не обижусь. Я сам виноват.
Был я молод и глуп. И по этой причине
Не ценил удивительный твой аромат,
Полагая, что так подобает мужчине.

Горделивые в сердце лелея мечты,
Шел я в жизнь — и однажды, нахмурясь сурово,
Черноглазой красавице в белом, как ты,
Не сказал на тропинке заветного слова.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня,—
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня.
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела;
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий снег и синий час,
В дымке синей леса иней,
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер, нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так стучат сердца у нас,
Что слова сейчас бессильны.

Вдаль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня,—
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня.
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела;
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий снег и синий час,
В дымке синей леса иней,
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер, нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так стучат сердца у нас,
Что слова сейчас бессильны.

Вдаль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня, —
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня,
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела;
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий снег и синий час,
В дымке синей леса иней,
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер, нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так стучат сердца у нас,
Что слова сейчас бессильны.

Вдаль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.

В мире синем я и ты —
След двойной на снежном насте...

Снег растает, время минет —
Не забудем вечер синий.

ДАЛЕКИЙ ДРУГ

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком,
Просто —
В небо смотрю,
Просто — молча курю
И без повода, просто
С тобой говорю.

— Здравствуй, счастье мое! —
Говорю я, любя.—
С наступившей зарей
Поздравляю тебя!..
Даль меж нами легла,
Но не верит в нее
Телефон удивительный —
Сердце мое.

От него сквозь леса,
Сквозь года, города
Убегают незримые
Вдаль провода,
С каждой честной душой,
На ветру не звеня,
Безотказные,
Соединяют
Меня.

Сквозь года, города
По незримой струне
Даже мертвых сердца
Откликаются мне!
Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,
И чужие сердца
Не подслушают нас...

Все я сделаю,
Лишь бы вовек не рвалась
Эта кровная,
Самая важная связь...
И сегодня — ты слышишь? —
Встречая зарю,
Я с тобой говорю,
Я с тобой говорю!

Слышу — в дальней дали,
За просторами рек,
Отвечаешь ты мне,
Мой родной человек.

Там, в одном общежитии,
Верность храня,
Бьется чистое сердце твое
Для меня...

Есть испорченные
Телефоны-сердца.
Тем, бывает,
Звонишь и звонишь без конца —
Все напрасно!
Стараньям любим вопреки,
Только «занято», «занято», —
Слышишь гудки.

Но твое — не такое!
Открыто оно
Для добра и любви —
Потому что полно
Удивительной верой
В людские пути,
В то, что счастье
Должно непременно прийти.

Друг мой дальний, ты слышишь?
Встречая зарю,
Я с тобой говорю,
Я с тобой говорю!
Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,
И чужие сердца
Не подслушают нас.

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком.
В ясном небе —
Рождение нового дня...
Я зову,
Ты поймешь,
Ты услышишь меня!

ПРОВОДА

Все я жду чего-то, виноватый,
Только что поделать — жизнь права:
Не вернуть слетевшие когда-то
С губ моих обидные слова.

И молчит мой телефон часами,
Лишь порой, звонком встревожив дом,
Скучными, другими голосами
Говорит не то и не о том.

Что за прок мне в утешеньях здравых,
Если смолк твой голос навсегда,
Словно бы от слов моих неправых
В тот же миг порвались провода.

Мнится мне: за сотни верст отсюда
К трубке прикасается рука.
Мнится мне: вот-вот свершится чудо,
Вот сейчас я вздрогну от звонка!

Я сказал бы, тихий от смущенья,
Как мне тяжела неправота,
Я сумел бы вымолить прощенье...
Но давно порвались провода!

* * *

Мне глаза, голубые как волны Катуня,
Никогда не забыть, ни за что не забыть...
Помню тропку в лесу, помню звезды в июне —
Те, что нас научили друг друга любить...

Где же нежность твоя? Где же слово привета?
Все ушло, говоришь ты. Ушло — но куда?
Я пойду, я найду — хоть на краешке света,
Приведу — ведь, согласно законам планеты,
Здесь ничто не должно исчезать без следа!

Или все растворилось в пространствах
беззвездных,
Как дыханье — в ночи, как туман — над рекой?
Я стою у окна — и на стеклах морозных
Белый блеск, снежный блеск осязаю рукой.

Наша встреча, глаза твои, звезды над чащей
И тропинка, где шли мы в предутренней мгле, —
Все вместилось теперь в этот резкий, слепящий
Белый блеск, снежный блеск на оконном стекле!

* * *

Я тебя не тороплю,
Сердце: жди.
Не спеши сказать «люблю» —
Сердце, жди!..

К нам весна вернется вновь —
Сердце, жди...
Настоящую любовь,
Сердце, жди!

СТРУНЫ

Из тонких жил — сердечных нитей
Сплету я каждую струну,
Скручу, совью, велю: «звените!»—
И на топшур их натяну.
Они споют, полны любовью,
Как ты красива и горда.
И могут застонать от боли —
Но не заплачут никогда!
А ты не веришь, ты не веришь,
Стоишь со мною у реки,
Цветок в руке смущенно вертишь
И рвешь, гадая, лепестки.
Но если лгу я, золотая,—
Пусть лопнут струны в синей мгле...

Ах, эти ночи на Алтае
И песня кедра на скале!

ДЕВУШКА ЖДЕТ ПИСЬМА

Журавлей не слышно над селом,
По дороге лист последний мчится,
Речка Чолушман покрыта льдом,
Под окном опять пурга кружится.

Ночи длинны... Ветер на лету
Воет в трубах... Снег и снег за рамой...
У окошка косы я плету...
Что же ты поешь так грустно, мама?

Писем нет от друга. И в туман
Путь ведет, сугробами одетый...
В Улаган не ходит караван,
Видно, письма затерялись где-то.

Но снега ручьями станут течь,
Перевал пропустит весть от друга,
И, приблизив время наших встреч,
Журавли опять вернутся с юга!

* * *

Мне этой ночью ничего не надо —
Лишь теплоту любимых нежных рук.
Пусть нет луны и звезд — мне их не надо,
Лишь верностью дарил бы друга друг.

Мне этой ночью ничего не надо —
Лишь черных кос знакомый аромат.
Пусть я слова забуду — слов не надо:
Они бессильны, я молчанью рад.

Мне этой ночью ничего не надо.
Грусть и стихи к чертям готов послать!
Мне и весна бы не была отрадой,
Когда б тебя я мог не повстречать.

Нас эта ночь навек соединила...
Проснулся ветер в листьях тополей,
И утро на востоке проступило —
Горит заря все ярче и алей.

Мир колыбелью был мне ночью этой...
Любимая уснула лишь к рассвету.

ДОЧКЕ

Ты уснула. Как дыханье ровно!
Как тиха полночная пора!
И глазенки маленькие, словно
Два цветка, закрылись до утра.

Чуть заметно вздрагивают губы,
Сон твой легок и по-детски прост...
Город спит, закутан теплой шубой
Ночи — в ярких пуговицах звезд.

Лишь отец твой, жизнь свою листая,
С думами не спит наедине.
Ты не слышишь, как с вершин Алтая
Песня приближается ко мне!

В сладкий плен захваченная снами,
Тихая и теплая, пока
Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба — вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой, шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки,—
Сможешь все услышать и понять...
Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе —
Не одни цветы и синева,
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а насмерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке»—
В тесном мире, где твоя кровать
Встала в затаенном уголке.

Я — отец. За жизнь в ответе дважды,
Я стоять не вправе в стороне...
Оттого я, дочка, ночью каждой
С думами не сплю наедине!

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Улицей промчавшись в тишине,
Тополей качнув сквозные тени,
Что ты льнешь так ласково ко мне,
Ветер мой веселый, мой, весенний?

Вспомнил, что ли, прошлые года,
Склоны гор и пар над ними тонкий?
Хочешь вновь, бездельник, как тогда,
Пробежать со мной наперегонки?

Помню, как дружили мы с тобой,
Помню: с босоногими друзьями
Утром к речке мчимся мы гурьбой —
И, как равный, ты несешься с нами.

Помню, как под солнцем на лугу
Ты любил играть со мной в пятнашки —
И, догнав, схватиться на бегу
За подол застиранной рубашки!

Может, я и нынче бы хотел
Стать мальчишкой прежним на минуту.
Видишь, я еще не растолстел
И душой не очерствел как будто.

Форы у тебя не попрошу,
Обгоню — отстанешь далеко ты..
Только, понимаешь, я спешу,
Надо, понимаешь, на работу.

Видишь ли, мальчишка повзрослел,
Взрослый груз взвалил себе на плечи.
Так что, ветер, вечный мой пострел,
Извини — до следующей встречи.

И еще: летя за солнцем вслед,
По лугам, по склонам гор положим,
Передай, пожалуйста, привет
Нынешним мальчишкам босоногим!

ДУМЫ У ЧЕРНОГО МОРЯ

Так здравствуй, море! Синева сплошная,
От корабля широкий, пенный след...
Давным-давно, — я это с детства знаю, —
Бродил вот здесь любимый мой поэт.

Он вдаль смотрел, где парус легкокрылый
Белел, стремясь к далеким берегам.
«Шуми, шуми, послушное ветрило», —
Звучало здесь впервые в такт шагам.

Здесь каждый день по горным тропкам диким,
Лелея в сердце дерзкие мечты,
Он шел к тебе. Он был, как ты, великим
И лишь не мог свободным быть, как ты.

Здесь шли у вас беседа за беседой
О горестной скитальческой судьбе...
Верни ж свой долг — и мне о нем поведай,
Как он сумел поведать о тебе!

Ты хмуришься? Я чувствую, конечно,
Задача эта — многих потрудней:
Как рассказать о жизни бесконечной
За столько-то земных недолгих дней?

Как рассказать? Вместить в какие сроки
Поэму о бессмертии певца?
Под морем — ночь, и волны, словно строки,
Бегут ко мне.

И нет волнам конца...

ВЕСНОЙ

В первой зелени опушка,
Ива клонится к ручью,
Счет годам ведет кукушка...

Вспомнил родину свою.

Что ни день, то море света.
Звезды в полночи немой.
Свистнув, поезд мчится где-то...

Очень хочется домой!

— Ты стих, видать,
накаливаешь мало! —
Сказал мне, улыбаясь,
брат-кузнец.

ПОЭЗИЯ

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал.

Я никогда
Хвалителям не льстил,
Я никогда
Хулителям не мстил.

Мне незнаком
Самодовольства груз,
И зависть
Я не пробовал на вкус.

Я к людям шел
С открытою душой,
Беду чужую
Не считал чужой.

И счастьем друга
Счастлив был сполна —
Поэт
И сын простого чабана!

Пусть иногда
Мой стих бывает груб:
Я — рядовой
Работник-лесоруб.

Свой нужный труд
Не за корысть люблю —
От сердца к сердцу
Пресеку рублю!

Поэзия!
Услышь простую речь,
К твоей вершине
Дай ступенькой лечь.

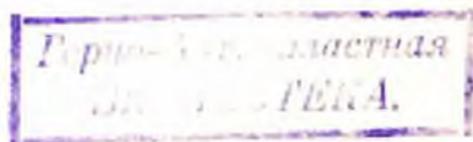
Для всех, с кем я
Дружу в стране родной,
Для всех, кто рядом
Трудится со мной.

Хочу, чтоб в каждом
Доме ты жила,
Хочу, чтоб в каждом
Сердце ты цвела...

И если трудно
Будет иногда,

Я повторяю,
Что это — не беда:

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал!

СОДЕРЖАНИЕ

Моя песня. Перевод И. Фоякова	3
Ленин и солнце. Перевод И. Фоякова	5
Руки. Перевод И. Фоякова	7
Родная земля. Перевод И. Фоякова	9
Живая вода. Перевод И. Фоякова	13
Аил. Перевод И. Фоякова	15
Молодой табунщик. Перевод Е. Стюарт	17
Парни гор и степей. Перевод И. Фоякова	18
Подснежник. Перевод Е. Стюарт	21
Кедр. Перевод Е. Стюарт	22
Над белыми туманами. Перевод И. Фоякова	24
Катунь. Перевод И. Фоякова	26
Разговор с Чолушманом. Перевод Е. Стюарт	28
«Я люблю тебя, Родина...» Перевод И. Фоякова	30
«В горах Джайлау колыбель моя...» Перевод Е. Стюарт	31
Чолушманка. Перевод Е. Стюарт	32
«Вновь надо мною крики журавлей...» Перевод Е. Стюарт	34
«Или это мне приснилось?...» Перевод И. Фоякова	36
Горная речка. Перевод И. Фоякова	37
Чуйская дорога. Перевод Е. Стюарт	39
У огня. Перевод Е. Стюарт	41
Мой город. Перевод И. Фоякова	43

Гибель красного партизана Петра Сухова. Перевод И. Фояякова	45
О картинах Гуркина. Перевод И. Фояякова .	47
Конь. Перевод. Е. Стюарт	51
Коммунист. Перевод И. Фояякова	52
Без вести пропавший. Перевод И. Фояякова .	54
Дорога. Перевод И. Фояякова	57
Ожидание. Перевод И. Фояякова	60
Дума на старом плацу. Перевод И. Фояякова .	63
Планета. Перевод И. Фояякова	65
Звезда. Перевод И. Фояякова	67
«Где начало, где конец вселенной?..» Перевод И. Фояякова	69
«Мне радости солнце сыскало...» Перевод . Е. Стюарт	70
Черемуха. Перевод И. Фояякова	71
Синий вечер. Перевод Е. Стюарт	73
Далекий друг. Перевод И. Фояякова	75
Провода. Перевод И. Фояякова	79
«Мне глаза голубые, как волны Катуня...» Пе- ревод И. Фояякова :	81
«Я тебя не тороплю...» Перевод И. Фояякова	82
Струны. Перевод И. Фояякова	83
Девушка ждет письма. Перевод Е. Стюарт . .	84
«Мне этой ночью ничего не надо...» Перевод Е. Стюарт	85
Дочке. Перевод И. Фояякова	86
Весенний ветер. Перевод И. Фояякова . . .	88
Думы у Черного моря. Перевод И. Фояякова .	90
Весной. Перевод И. Фояякова	92
Брат. Перевод И. Фролова	93
Поэзия. Перевод И. Фояякова	95

Адаров Аржим

ЗЕМЛЯ, ПОДНЯТАЯ К СОЛНЦУ

М., «Советский писатель», 1964, 100 стр.

Редактор **Е. С. Елисеев**

Художник **Е. В. Викторов**

Худож. редактор **Е. Ф. Капустин**

Техн. редактор **Н. Д. Бессонова**

Корректор **Л. Н. Морозова**

Сдано в набор 20/II 1964 г.

Подписано к печати 20/IV 1964 г.

А 02146. Бумага $70 \times 108^{1/32}$.

Печ. л. $3^{1/8}$ (4,45). Уч.-изд. л. 2,29

Тираж 6000 экз. Заказ № 41

Цена 11 коп.

Издательство «Советский писатель»

Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома

Государственного комитета Совета

Министров СССР по печати

г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, д. 109

ЛИСТЕК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

КОЛИЧЕСТВО ПРОС. ВЫДАЧ

11 коп.